

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-37-45>

УДК 394.21

ББК 70/79

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Д.А. Ляпин

г. Елец, Россия

**РОЛЬ МЕХА
В ОБРЯДОВЫХ ПРАКТИКАХ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XIX В.
(НА МАТЕРИАЛАХ ВОРОНЕЖСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-68-00011,
URL: <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>

Аннотация: Мех являлся устойчивым элементом многих обрядовых действий традиционной русской культуры. Несмотря на то, что фактов на эту тему существует достаточно много, они обычно оставались за пределами сферы научного внимания. Данная статья призвана отчасти восполнить этот пробел и показать роль меха в семейных обрядах населения региона Центрального Черноземья России. Автор приводит примеры прямого или косвенного использования шкур животных в различных семейных охранительных обрядах. В итоге делаются выводы о том, что большинство обрядов, связанных с использованием меха, объединены идеей материального достатка и благополучия, достигаемого семьей через приумножение домашнего скота. Автор акцентирует внимание на том, что материалы собраны в черноземной полосе — регионе, связанном, в основном, с земледелием, а не со скотоводством. Предполагается, что это свидетельствует о большой роли домашнего скота в жизни крестьянской семьи. В статье также отмечается двойственное значение меха. Он использовался и в качестве магического предмета, наделенного функцией увеличения достатка, плодородия, благополучия и продолжения рода, и, при этом, являлся признаком принадлежности к иному миру. С помощью меха изображали духов предков-помощников.

Ключевые слова: мех, шуба, семейные обряды, народная магия, традиционная культура. Центральное Черноземье.

Информация об авторе: Денис Александрович Ляпин — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, д. 28, 399770 г. Елец, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Дата поступления статьи: 09.10.2023

Дата одобрения рецензентами: 10.09.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Ляпин Д.А. Роль меха в семейных обрядах сельского населения центрального Черноземья в XIX–XX вв. // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 37–45. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-37-45>

Мех как элемент русской традиционной свадебной обрядности рассматривался нами ранее в отдельной статье [14]. Продолжая и развивая эту тему, следует обратить внимание на его роль в иных обрядовых практиках русского сельского населения XIX в. Ввиду обширности этих материалов для данной статьи использовалась, главным образом, информация из черноземных регионов центральной России, а именно — из Орловской и Воронежской губерний.

Начнем с широко распространенного обряда *освящения скота*, совершаемого вечером на Крещение или на Новый год. Его участниками являлись: мальчик с иконой, один крестьянин со святой водой, другой — с топором и третий — в вывернутом наизнанку тулупе. Они в темноте обходили хлев, где держали скотину, которую накануне особенно обильно кормили [6, с. 51–52; 22, с. 56–57]. В некоторых случаях эта процессия двигалась вокруг специально разожженного по этому поводу костра и разложенных вокруг него снопов. Затем по этому круговому маршруту мужчины прогоняли весь свой домашний скот [23, с. 39].

Другой интересный обряд заключался в *сидении на шубе*. В день Рождества крестьяне стелили на лавку большую шубу мехом наружу и просили местного священника сесть на нее, полагая, что после этого «наседки будут... хорошо садиться на яйца и ни в одном из них не замрет зародыш» [5, с. 633]. Кроме того, чтобы курица хорошо неслась, под нее клали яйца, которые предварительно держали в меховой шапке, шубе или в другой меховой вещи [6, с. 633].

Схожая традиция бытовала еще в середине XX в. в селах Липецкой области, где на Святках в избу приглашали пастуха, которого *сажали на шубу* и «кармили яво на шубе, вот как раз каравайцы пякуть утрам-та, наладут яму каравайцы, ну блинчики щас называют, он ел, на шубе ел» [10, с. 156]. Другой местный святочный обряд был связан с *сажанием на шубу детей*. Начинаясь он с того, что сельские дети заходили в избы односельчан и сыпали на пол овес, получая за это немного хлеба или денег. Затем их с полученными дарами сажали на большую разостланную шубу [10, с. 156]. Зафиксирован и другой схожий обычай, когда *овечью шубу стелили для христославщиков*. Хозяева дома полагали, что так куры будут лучше нестись и вообще в доме будет «все водиться». Шубу стелили на лавку и усаживали на нее детей, пришедших колядовать. «И вот штобы в доме все вадилось, их сажали на эта на шубу, на тулуп, на лавку стелили, эт штоп насетки садились. Гадоф с сями да десяти так вота: и мальчики, и девачки», — вспомнил информатор [10, с. 159]. Интересно, что тут же «причитывали» стишок, посвященный приплоду скота:

Дёвица, дёвица
Карофке тялицца,
Телочку вадицца,
Свинье парасица,
Прасяткам вадицца,
Насеткам садицца,
Цыпляткам вадицца... [10, с. 159].

Примерно такой же обряд зафиксирован в Воронежском крае. Вечером под Рождество пришедших в дом колядовщиков тоже сажали на шубу, тулуп или на одеяло. В некоторых случаях их заставляли кудахтать, считая, что так куры будут лучше нестись [11, с. 40]. Однако вместо шубы гостей могли посадить и на порог — место, также наделенное сакральным смыслом, вокруг которого существует масса суеверий [16].

Важным обрядом, призванным защитить домашний скот от любой болезни, было *опахивание*. Оно применялось также в качестве метода изгнания эпидемии из деревни как крайнее средство [7, с. 71]. Но его более узкое семейное значение чаще направлялось крестьянами на охрану домашней живности. Сам обряд давно вызывает интерес у исследователей и имеет свои особенности в разных регионах [12; 13, с. 37–38].

В сборнике журнальных и газетных публикаций Воронежской губернии XIX в. на этнографическую тематику *опахивание* встречается пять раз [23, с. 39, 75, 114–115, 129, 132–133]. В четырех случаях обряд направлен на изгнание «коровьей смерти» или любой эпидемической болезни, а один раз — на изгнание русалок [23, с. 129]. Воронежские материалы описывают обряд следующим образом. Сельские женщины в одних рубахах, с распущенными волосами, с вечера готовились к обряду. Они собирали во дворах все, что может греметь и стучать. Затем какая-либо беременная девушка впрягалась в соху, а другая молодая крестьянка, готовящаяся к замужеству, должна была подгонять ее и управлять «пахотой». Участницы процессии «сеяли» песок по проведенной борозде. Все это сопровождалось страшным криком, шумом и стуком в сковороды, котлы, косы и чугуны. При этом процессия повторяла: «Вот диво, вот чудо: девки пашут, бабы песок развевают, когда песок взойдет, тогда смерть к нам придет». Специфику обрядовых «опахивальных» песен рассмотрел А.Ф. Журавлев, отметивший их сложность и связь со скотоводческой магией [8, с. 140–142].

Иногда в *опахивании* участвовали мужчины, одетые в вывернутые шубы или тулупы. Если навстречу этой толпе случайно попадалось животное, то оно непременно убивалось всеми, а если — человек, то его старались как можно сильнее избить.

На первый взгляд, мех не играет важной роли в этом обряде и если упоминается, то как дополнительный атрибут ряженья мужчин. Однако, по сведениям очевидцев, записавших этот обряд, важной частью происходящего действия была икона святого Власия. В XIX в. воронежскими собирателями обрядов была проведена очевидная аналогия этого святого с богом Велесом, покровителем скота, часто предстающим в образе мохнатого медведя [23, с. 132, 159]. Об образе медведя и его тесной связи с Велесом в научной литературе написано достаточно много [3; 21]. Однако следует обратить внимание и на тот факт, что колядовщики в воронежских селах часто наряжались именно в этого зверя [11, с. 25].

Кроме святочного времени, в вывернутую шубу облачали себя и на *Новый год* жители Таловского района Воронежской области еще в середине XX в.: «рядились в шубы, сверху шерстью. Рукава тоже наизнанку, подпоясывались, платком подвязывались. Вот и пошли. Лицо карандашами да сажеей мазали» [11, с. 24]. В другом районе Воронежской области:

В Новый год с утра парни и девушки собирались улицей и шли на «шедровку», значит — поздравлять с Новым годом. Щедровщики наряжались в праздничные одежды. Парни были в вывернутых наизнанку полушубках... Лица раскрашивали сажеей и красной краской [11, с. 25].

Упоминание шубы или меха иногда встречается в *посевальных песнях* Черноземья. Вот, к примеру, одна из них, локально относящаяся к современному Павловскому району Воронежской области:

Ой, гиля, гиля, на Василя!
 А дома, дома дядька Фома,
 А я знаю, что вин дома,
 А на ему шуба любя,
 А на шубочки симь селезнив,
 Всему тому по селезню,
 Старым бабам по полянице,
 Штоп родилися бычки,
 Та черни тэлици [11, с. 161].

Шуба в этом тексте выступает символом плодородия и достатка. Она украшена селезнями, символизирующими, как правило, процветание и благополучие семьи [4]. Показательно и то, что шуба в песне связана с темой плодovitости крупного рогатого скота: «Штоп родилися бычки, Та черни тэлици». Таким образом, идея продолжения и богатства рода тесно переплетается с темой плодovitости домашних животных.

Интересны также *величания хозяевам* на святочной неделе, обращенные к главе семьи: «А дома, дома дядька Фома, А я знаю что вин дома, А на ему шуба любя, А на шубочки симь селезнив» [11, с. 237]. И вновь встречаем сочетание в тексте упоминания шубы и селезни. Как правило, величания, в которых упоминается шуба, связаны с мужчиной — главой рода.

Шкура животного, как центральный атрибут обряда, присутствует в ритуальных действиях на праздник Крещения. В этот день жители с. Новосолдатка Репьевского района Воронежской области обязательно поминали родителей и ходили в церковь. Затем в вечерних сумерках крестьяне *жгли пурину (солому)* и вместе с ней шкуры домашнего скота. При этом старались сделать как можно больше дыма, чтобы в семье было больше достатка, а осенью — хороший урожай [11, с. 59].

Нетрудно заметить, что сакральность меха в народной традиции наиболее ярко проявлялась во время Святков — праздничного комплекса из двенадцати дней в промежутке от Рождества до Крещения [15], имевшего глубокие корни в славянском языке и тесно связанного с культом предков [17, с. 20–21, 25, 27–29; 24, с. 185–193; 18, с. 124–160; 25, с. 40]. Это время праздничного действа, означавшего наступление важных изменений в природе и жизни. Святочные гуляния были пограничной полосой, знаковым символом перемен [1, с. 234, 241–242]. Пиршества и гуляния в эти дни были типичны для культуры народного карнавала с его безудержным весельем, переворачиванием всего «с ног на голову» и ряженьем, в том числе, в меховые шкуры. По сути, ряженье означало переодевание в представителей иного мира и, прежде всего, в духов предков-покровителей, которые, пользуясь временным размыванием сакральных границ, проникали в мир людей. Их появление было ожидаемым и желанным, поскольку они играли положительную роль, связанную с зарождением новой жизни, грядущим приходом тепла и весны, а, значит, и началом земледельческих работ. Известные факты об использовании меха в ритуалах указывают на его тесную связь со скотоводческой магией.

Обратимся теперь к магическим действиям, напрямую не связанным со скотом. Прежде всего это *заговоры*. Например, мать читала для сына заговор «на укро-

щение злобных сердец»: «сажусь в сани, крытые бобрами, и соболями, и куницами. Как лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панями и попами, между миром и селом, так мой нарожденный сын был бы честен и величав...» [20, с. 81]. Кроме того, иногда ребенку *стригли волосы*, посадив на мохнатую шубу: считалось, что тем самым обеспечивается его богатое и благополучное будущее [5, с. 596].

Представления о связи вывернутой шубы с иным миром проявили себя и в *практике гадания*, часто совершаемого на разостланной шубе [9, с. 137]. Другой вариант гадания — ловля девушкой овцы в хлеву ночью на святках. По количеству овечьей шерсти угадывали материальный достаток будущего мужа [10, с. 183].

Интересный обряд *изгнание кикиморы* был записан в литературной обработке Ореста Сомова на малороссийских материалах Харьковской губернии, где проживало население, социально идентичное крестьянам Черноземья. Это рассказ о богатом зажиточном хозяине, имевшем большую семью, много скотины, клетей, амбаров и хлебных запасов. И вот в этом доме поселился нечистый дух — кикимора («посадили недобрые люди из зависти»). Вначале она не приносила никакого вреда, а только играла с маленькой дочкой и оборачивалась большой кошкой. Но набожный крестьянин решил от нее избавиться, и ситуация от этого сделалась гораздо хуже. Теперь нечистый дух принялся досаждать хозяевам, пока одна старушка не научила их обряду избавления от этой напасти. В среду, ровно в полдень, нужно было запрячь сани (хотя дело было летом) коровой и лошастью, постелить на них большую шубу шерстью вверх и подогнать к порогу. Вслед за тем старой метлой вымести избу, произнося специальный заговор. После исполнения этого обряда кикимора в образе огромной кошки была вывезена на шубе в лесную чашу [22, с. 219–229].

Шуба шерстью вверх, используемая в церемонии изгнания нечистого духа, играла роль сакрального пространства, из которого он не мог выйти. Вывернутая наизнанку шуба (в старину шубу носили мехом внутрь) ассоциировалась с иным миром — миром духов. Схожий обряд связан с потерянным выходом из леса. Если крестьянин долго не мог найти дорогу домой из знакомого ему места в лесу, полагали, что его «водит» леший. В этом случае следовало вывернуть шубу мехом наружу (считалось, что примерно так выглядит и сам леший), и тогда можно с легкостью найти дорогу домой [5, с. 545–546].

Рассмотренные обряды, где напрямую используется мех, не связаны непосредственно с домашним скотом, но их объединяет та же идея материального благополучия дома. Заговор, произносимый матерью над своим сыном в надежде на его богатое будущее, девушка, ловящая овцу, чтобы выяснить материальный достаток будущего мужа, наконец, изгнание кикиморы, вредящей домашнему хозяйству, — все это обряды одной направленности. Они не нацелены на конкретное богатство (урожай, деньги), но выражают идею материального благополучия в целом, в состав которой так или иначе входило и наличие домашнего скота.

Большинство же описанных обрядов, связанных прямо или косвенно с использованием меха/шубы, объединены идеей материального достатка, достигаемого семьей через приумножение скота. По всей видимости, это указывает на огромную роль домашних животных в жизни крестьян XIX в. Низкий уровень сельского хозяйства, примитивный ручной труд, недостаток удобрений и техники ставил результат работы земледельца в большую зависимость от погодных колебаний, а, значит, неурожай и голод в любой момент могли обрушиться на семью крестьянина. Следует также учесть существенное перенаселение деревни к середине XIX в. В таком случае выживание человека было связано только с наличием и количеством домашнего скота.

Подводя итог изучению бытования меха в магической обрядности сельского населения Черноземья, отметим его двойственное значение. Прежде всего, мех использовался в качестве магического предмета, наделенного функцией материального достатка, плодородия почвы, благополучия и продолжения рода. Но вывернутый мех считался признаком иного мира, и с его помощью изображали духов предков-помощников; благорасположенные к потомкам, они также способствовали их процветанию. Это значение меха предопределило его широкое распространение в традиционной культуре как важного обрядового элемента.

Список литературы

Исследования

- 1 Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
- 2 Веселовский А.Н. Судьба-доля в народных представлениях славян // Веселовский А.Н. Избранное: Традиционная духовная культура. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 403–469.
- 3 Гура А.В. Медведь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995. Т. 3. С. 211–215.
- 4 Гура А.В. Утка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 382–383.
- 5 Журавлев А.Ф. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиции / отв. ред. И.М. Шептунов. М.: Наука, 1978. С. 71–94.
- 6 Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994. 256 с.
- 7 Забылин М.М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды. М.: Эксмо, 2003. 608 с.
- 8 Левкиевская Е.Е. Опахивание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 548–550.
- 9 Левкиевская Е.Е. Славянский оберег: семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 334 с.
- 10 Ляпин Д.А. Мех как элемент русской традиционной свадебной обрядности // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 8–19.
- 11 Ляпин Д.А. Святочные увеселения (по материалам ГАОО) // Живая старина. 2009. № 3. С. 12–14.
- 12 Плотников А.А. Порог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 4. С. 173–178.
- 13 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2011. 332 с.
- 14 Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). М.: Лабиринт, 2006. 176 с.
- 15 Пятникова Т.Р. Мифы и легенды о сотворении мира хантов Белоярского района // История: факты и символы. 2019. № 1 (18). С. 143–150.
- 16 Сахаров И.П. Русское народное чернокнижье. М.: СП «Эврика», 1991. 254 с.
- 17 Седых В.Н. О проявлениях культа медведя в Ярославском Поволжье в эпоху раннего средневековья // Славяне и иные языцы... К юбилею Натальи Герма-

- новны Недошивиной. Труды ГИМ. М.: Изд-во Гос. исторического музея, 2014. Вып. 198. С. 159–170.
- 18 *Сомов О.М.* Были небылицы. М.: Сов. Россия, 1984. 370 с.
- 19 *Токарев С.А.* Маски и ряженые // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. С. 185–193.
- 20 *Шангина И.И.* Русские традиционные праздники. СПб.: Азбука-классика, 2008. 336 с.

Источники

- 21 *Даль В.И.* Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М.: Эксмо, 2008. 736 с.
- 22 *Дынин В.И.* Когда расцветает папоротник... Народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX–XX веков. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1999. 210 с.
- 23 *Иващенко К.И.* Календарные обряды Верхнего Дона. Липецкая область. Липецк: Изд-во Липецкого областного краеведческого общества, 2018. 260 с.
- 24 Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области. Афанасьевский сборник. Мат. и исследования. Вып. III. / сост. Т.Ф. Пухова, Г.П. Христова. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2005. 249 с.
- 25 Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии: Хрестоматии / сост., вступ. ст. и примеч. Г.Н. Мокшина. Воронеж: Истоки, 2013. 272 с.

***

© 2025. Denis A. Lyapin
Yelets, Russia

ROLE OF THE FUR IN FAMILY RITUALS OF THE RURAL POPULATION OF THE CENTRAL BLACK SOIL REGION IN THE 19th–20th CENTURIES (BASED ON THE MATERIALS OF THE VORONEZH AND ORYOL PROVINCES)

Acknowledgements: The study was carried out by the grant of the Russian Scientific Fund No. 24-68-00011, Available at: <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>

Abstract: Fur used to be a stable element of many ritual actions of traditional Russian culture. Despite the fact of availability of a lot of material on this topic, it has usually remained outside the scope of scientific attention. This paper intends to fill this gap and show the role of fur in the family rituals of the population of the Central Black Soil Region of Russia. The author gives examples related to the use, direct or indirect, of animal skins in various family rituals. These were rites of protection. As a result, conclusions are drawn that most rituals associated with the use of fur are united by the idea of wealth and prosperity achieved through an increase in the number of livestock. The author focuses on the fact that the materials were collected in the black soil belt — a region associated with agriculture, but not with cattle breeding. This indicates the great role of livestock in the life of a peasant family. The paper notes the dual meaning of fur.

It was also used as a magical object, endowed with the function of prosperity, fertility and procreation, and at the same time it was a sign of a magical “other world”. Besides, the spirits of ancestors and helpers were depicted with the help of fur.

Keywords: Fur, Fur Coat, Family Rituals, Folk Magic, Traditional Culture, Central Black Earth Region.

Information about the author: Denis A. Lyapin — DSc in History, Associate Professor, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University, Kommunarov St., 28, 399770 Yelets, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Received: October 9, 2023

Approved after reviewing: September 10, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Lyapin, D.A. “The Role of Fur in Family Rituals of the Rural Population of the Central Black Soil Region in the 19th–20th Centuries (Based on the Materials of the Voronezh and Oryol Provinces).” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 37–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-37-45>

References

- 1 Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura Srednevekov'ia i Rennansa* [*The Works of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 543 p. (In Russ.)
- 2 Veselovskii, A.N. Sud'ba-dolia v narodnykh predstavleniiakh slavian [“Fate and Destiny in Popular Concepts of the Slavs”]. Veselovskii A.N. *Izbrannoe: Traditsionnaia dukhovnaia kul'tura* [*Selected Works: Traditional Spiritual Culture*]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2009, pp. 403–469. (In Russ.)
- 3 Gura, A.V. “Medved” [“Bear”]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [*Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*], vol. 3. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995, pp. 211–215. (In Russ.)
- 4 Gura, A.V. “Utka” [“Duck”]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [*Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*], vol. 5. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2012, pp. 382–383. (In Russ.)
- 5 Zhuravlev, A.F. “Okhranitel'nye obriady, sviazannye s padezhom skota, i ikh geograficheskoe rasprostranenie” [“Protective Rituals Associated with Livestock Death and Their Geographical Distribution”] *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Genezis. Arkhaika. Traditsii* [*Slavic and Balkan Folklore: Genesis. Archaic. Traditions*], ex. ed. I.M. Sheptunov. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 71–94. (In Russ.)
- 6 Zhuravlev, A.F. *Domashnii skot v pover'iakh i magii vostochnykh slavian. Etnograficheskie i etnolingvisticheskie ocherki* [*Livestock in Beliefs and Magic of the Eastern Slavs. Ethnographic and Ethnolinguistic Essays*]. Moscow, Indrik Publ., 1994. 256 p. (In Russ.)
- 7 Zabylin, M.M. *Russkii narod: Ego obychai, predaniia, obriady* [*Russian People: Their Customs, Legends, and Rituals*]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 608 p. (In Russ.)

- 8 Levkievskaia, E.E. "Opakhivanie" ["Plowing"]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*: v 5 t. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], vol. 3, ed. N.I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2004, pp. 548–550. (In Russ.)
- 9 Levkievskaia, E.E. *Slavianskii obereg: semantika i struktura* [Slavic Amulet: Semantics and Structure]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 334 p. (In Russ.)
- 10 Liapin, D.A. "Mekh kak element russkoi traditsionnoi svadebnoi obriadnosti" ["Fur as an Element of Traditional Russian Wedding Ceremonies"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 61, 2021, pp. 8–19. (In Russ.)
- 11 Liapin, D.A. "Sviatochnye uveseleniia (po materialam GAOO)" ["Christmastide Entertainments (Based on Materials of the State Archaeological Society)"]. *Zhivaia starina*, no. 3, 2009, pp. 12–14. (In Russ.)
- 12 Plotnikov, A.A. "Porog" ["Threshold"]. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*: v 5 t. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.], vol. 4, ed. N.I. Tolstogo. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, pp. 173–178. (In Russ.)
- 13 Propp, V.Ia. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow, Labirint Publ., 2011. 332 p. (In Russ.)
- 14 Propp, V.Ia. *Russkie agrarnye prazdniki (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia)* [Russian Agrarian Holidays (An Essay on Historical and Ethnographic Research)]. Moscow, Labirint Publ., 2006. 176 p. (In Russ.)
- 15 Piatnikova, T.R. "Mify i legendy o sotvorenii mira khantov Beloiarskogo raiona" ["Myths and Legends about the Creation of the Khanty World of the Beloyarsky District"]. *Istoriia: fakty i simvoly*, no. 1 (18), 2019, pp. 143–150. (In Russ.)
- 16 Sakharov, I.P. *Russkoe narodnoe chernokniz'h'e* [Russian Folk Black Magic]. Moscow, SP "Evrika" Publ., 1991. 254 p. (In Russ.)
- 17 Sedykh, V.N. "O proiavleniiakh kul'ta medvedia v Iaroslavskom Povolzh'e v epokhu rannego srednevekov'ia" ["On the Manifestations of the Bear Cult in the Yaroslavl Volga Region in the Early Middle Ages"]. *Slaviane i inye iazytsi... K iubileiu Natal'i Germanovny Nedoshivinoi. Trudy GIM* [Slavs and Other Languages... On the Anniversary of Natalia Germanovna Nedoshivina. Proceedings of the State Historical Museum]. Moscow, State Historical Museum Publ., no. 198, 2014, pp. 159–170. (In Russ.)
- 18 Somov, O.M. *Byli nebylitsy* [Tall Tales]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1984. 370 p. (In Russ.)
- 19 Tokarev, S.A. "Maski i riazhenye" ["Masks and Mummers"]. *Kalendarnye obychai i obriady v stranakh zarubezhnoi Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev* [Calendar Customs and Rituals in the Countries of Foreign Europe. Historical Roots and Development of Customs]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 185–193. (In Russ.)
- 20 Shangina, I.I. *Russkie traditsionnye prazdniki* [Russian Traditional Holidays]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2008. 336 p. (In Russ.)